

Мила Коротич

ЖИЗНЬ НА ВКУС

Vol.3

12+

Мила Коротич
Жизнь на вкус. Vol.3

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Коротич М.

Жизнь на вкус. Vol.3 / М. Коротич — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Финальная часть трилогии об ангелах, которые так и не смогли стать людьми в современной Москве. Оказалось, их отпустили в человеческий мир совсем не для этого...Весь авторский гонорар за книгу идет в фонд детского хосписа "Дом с маяком".

Содержание

Знаки препинания	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мила Коротич

Жизнь на вкус. Vol.3

Весь авторский гонорар за книгу идет в фонд детского хосписа "Дом с маяком" <https://mayak.help/>

Точка невозврата

Дверь в кабинет шефа, тяжелая, солидная дверь темного дерева оказалась прикрыта не полностью. Отчетливо различалось бормотание телевизора: идет какой-то дневной сериал про честных современных сыщиков. И это – плохой признак. Значит, хозяин не в духе и что-то его сильно тревожит.

Весть моментально разлетелась по управленческому этажу: мейл-агент, аська и сарафанное радио сработали молниеносно. Все конторские с пятого этажа притихли и вжали головы в плечи. Каждый пожалел, что не в отпуске в данный момент. А в перерыве на обед весь офис ТД "Барокко" почему-то оказался в маленьком буфете на первом этаже. В том, который для торговых агентов и работников гаража и склада. В кондитерскую или пиццерию, что через Ленинградку никто пойти не решился, словно уйти на полчаса из старого генеральского дома на "Соколе", где фирме принадлежал подъезд, означало добровольно выйти в море в грозу.

Нечастые гости с пятого этажа, сидели, смурные, в местном буфете, оккупировав длинный стол у окна и ковыряясь пластиковыми вилками в дежурных блюдах из микроволновки. Хрипато что-то попсовенькое напевало радио, не чувствуя неуместность своих фальшиво-веселых напевов. Все пришлые посетители повернули головы в сторону окна. С удивлением, как туго спелёнутые новорожденные младенцы в роддоме на лампу, глядели они на выбеленный солнцем пустоватый московский дворик, смотрели и потели. Кондиционера в буфете для простых смертных, разумеется, не было. Простые смертные тайком разглядывали "небожителей с пятого".

За нетонированным, обычным оконным стеклом солнце путалось в листве кленов и тополей, растворяя их краски в своих лучах. Оттого деревья, да и всё, на что падал свет, выглядели полинявшими от жары, как от слишком тщательной стирки. Но большинство зрителей из импровизированного шоу "За стеклом буфета" заметили лишь, что что-то не так с картинкой у них в голове. Мимо их сознания проскакивали, не оставляя следа, те приятные вещи, за которые любили скромный буфет люди попроще: кипенно-белый кружевной тюль на чисто вымытых окнах и свежие хрустящие скатерти на столах, аромат сдобной домашней выпечки, такой вредной для хрупких офисных рыбок, и так уважаемой женатыми водителями. Маленькие букетики из живых цветов пахли слишком нежно и ненавязчиво, чтоб привлечь внимание изысканной публики, привыкшей иметь дело как минимум с оранжерейными герберами. Зрение избирательно, и привыкшие к затененным окнам, солнцезащитным очкам и тонированным стеклам в авто, ребята с верхних этажей "Барокко" чувствовали, что что-то не так в мире, глядя на его реальное отражение. И связывали свой дискомфорт от яркого света скорее с настроением шефа, чем с отсутствием привычных статусных шор на глазах. Зато они слышали, или казалось, что слышали, шепотки работяг за спиной и издевательские разговорчики радио.

– Странная погода, – кто-то решился произнести вслух несколько фраз. Никто не заметил, кто именно это был. Кажется кто-то из бухгалтерии. – Всё какое-то блёклое, пыльное. Даже тревожно как-то на душе.

– Жара и солнечная погода в столице продержится еще неделю, – веселился динамик, на два голоса вещая о погоде, – при таком раскладе совсем не нужно ехать в теплые страны. Туроператоры, наверное, сейчас терпят убытки и молятся о холодах и непогоде. А еще врачи ожидают всплеска пищевых отравлений из-за такой жары. Будьте осторожны, дорогие радио-

слушатели, мойте руки перед едой, – радиодиджеи где-то далеко, в своей радиореальности, залились раздражающе беззаботным смехом.

– Давай честно скажем. Тревожно тебе не в душе, а в желудке, от бурды на тарелке, – окрысился вдруг на всё и сразу начотдела безопасности, одутловатый мент на пенсии по выслуге лет и с профзаболеванием: манией преследования в легкой форме. – Надо было в пиццерию пойти, или, в "Метромаркете", на худой конец суши нажраться. А мы все решили далеко от любимой работы не уходить, чтоб как бы чего не вышло.

– Вы, ВиктОр, не смотря на всю смелость высказываний, тоже, тем не менее, здесь и с нами, – изысканно-ядовито заметила кадровичка, красивая дама, которой много лет уже сорок девять. Отработав когда-то администратором в театральной среде, она претендовала на изысканность, говоря с "французским прононсом", а в тайне ненавидела всё человечество. Данное качество было просто бесценно в кадровой работе. – Вы, как и мы, не хотите злить шефа, ведь так? Особенно сейчас, когда в стране кризис, – и она улыбнулась улыбкой мудрой змеи.

Офисный круг молчал, осознавая правоту слов главной персональной злыдни. Офисные пижоны с айфоном вылетают при сокращении штатов в первую очередь, стоит только шефу шевельнуть бровью.

– А сейчас – реклама, – бодренько объявило хрипатое радио и замурлыкало что-то о модных новинках сотовых телефонов и автомобилей.

– Вот за что я вас люблю, Зоя Пална, так за ваш ум и осторожность, – ответил ей безопасник, расчлняя золотистый сырник у себя на тарелке. – Никто не заметил, после чего у босса испортилось настроение? – Он обвел "сотрапезников" профессиональным взглядом при-страстного дознавателя.

– Кажется, после того, как назначил встречу дизайнеру, если я правильно заметила, – подала голос блондинистая секретарша из приемной. По длине ее ног любой посетитель офиса мог сразу же понять, что имеет дело с солидной фирмой. – Помните, такой крупный молодой человек в рубашке за двести баксов? Может быть, этот фотошопер запросил слишком большую цену за свои идеи?! Или схалтурил слишком откровенно... – она еще и шутить пыталась. Ну, как умела.

– Дура ты, Лера, – честно сказал безопасник. В радиоэфире пели что-то про IQ.

– Молодой мужчина в рубашке за двести баксов – самый востребованный сейчас креей-тер в области рекламного дизайна. Пусть и дорогой, – объяснила вторая из офис-менеджеров. Она была старше, дурнее собой, сидела в темном углу приемной, зато являлась сильным дело-производителем.

Ее глянцеvidная коллега растеряно хлопала закрученными ресницами.

– Знаете, что странно, Лерочка, – вдруг подал голос Сергей, мужчина с землистым цветом лица. Как подчиненному, ему полагалось бы молчать в тряпочку, но он работал еще достаточно недавно и всех тонкостей местного офисного этикета еще не познал. "Или игнорировал, чурбан", как за глаза говорила королева отдела кадров. – Каждый раз, когда у шефа плохое настроение, в городе случается несчастье, – он понизил голос, словно рассказывал страшную сказку. – И всегда недалеко от нашей работы. Это я вам говорю, как бывший эмчееcник.

Лерочка только поджала губки. Это можно были принять за улыбку при желании. А громко фыркнул начбезопасности. И Сергей замолчал.

– А теперь экстренное сообщение: только что произошла авария на Ленинградском шоссе. Из-за ремонтных работ часть асфальтового покрытия ушла под землю, обвалившись прямо в перегон метро между станциями "Войковская" и "Сокол". Как сообщает пресс-служба МЧС, есть жертвы, – заявило радио.

– Вот как сейчас, – Сергей сделал выразительную победную паузу. Но поддержки у публики не нашел.

Офисные работники переглянулись и уставились каждый в свой салат. Большинство с призывительно-снисходительной гримаской, кто-то даже хмыкнул. Кажется, кто-то из отдела маркетинга. Ну что за глупости! Москва – слишком большой город, чтоб в нем всё было спокойно. Да и кому есть дело до каких-то аварий, когда можно запросто вылететь с работы, если не так помотришь на главу фирмы!

– Гораздо интереснее то, что сейчас в кабинете у шефа очень странный гость, – прошептала умело накрашенными, но всё равно некрасивыми губами умная Лерина коллега из темного угла. – Он похож на нашего шефа, как брат-близнец. Но только седой совсем. И смотришь на него и немеешь... И костюм немодный какой-то.

На эту фразу прыснула Лерочка. Уж не серой мыши Аньке разбираться в таких материях как модные костюмы! Ей дыроколы должны больше нравиться.

– Так может это старший брат и есть! – блеснул интеллектом безопасник.

– Нет, ВиктОр, я точно знаю, у нашего шефа нет братьев, – осадила его кадровичка. – Или вы сомневаетесь в моей компетентности?

«Как она похожа на змею, – подумал «ВиктОр», – рассссвистелась прям, гадюка!» А вслух ответил:

– В вашей – не посмею! Как это он, интересно прошел через все наши кордоны, Анна? И почему его кроме вас никто не видел? Недостойны что-ли?

– Откуда я знаю?! – огрызнулась та ему в ответ, – вы у нас безопасностью заведуете!... Виктор Семенович подавился сырником от такого выпада «Аньки-крысы». Липкий ком творога в горле перекрыл ему и дыхание, и возможность разразиться матом сразу же. Безопасника скрутило пополам, и жуткий кашель заглушил даже веселившееся радио. Но желание жить и дать сдачи в бывшем силовике, и без того обостренное до идефикс, спасли его и на этот раз. Побагровевший, он втянул через рот в себя воздух, как вгрызался во что-то, и вмазал девице промеж близзороких глаз.

Та рухнула на пол вместе с пластиковым стулом. Сотрясение мозга такого масштаба лечат обычно в стационаре.

В буфете на секунду притихло даже радио, а потом, как пена из бутылки теплой газировки, из людей полезла злоба. Все претензии, всё недовольство, все страхи и раздражение, накопившееся внутри каждого, засвистали и зашипели. Остроты, скабрёзности и придирки по мелочам и по-крупному полились, обдавая желчью и слюной, из людей, которые еще минуту назад просто обедали бок о бок. Два сдвинутых столика превратились вдруг в банку с пауками. И эти пауки набросились друг на друга, забыв о приличиях человеческого общества. Кадровичка уже целилась пластиковой вилкой в глаз секретарше, а саму ее от разбитой головы убедительно исключило, то, что посуда в буфете было только одноразовая. Даже солонки на столах не стояло. И самое отвратительное, что водоворот злобы закручивался всё больше и шире, поглощая новых участников драки, собиравшихся было сначала разнять дерущихся. Истошно визжала Лера, ей подвывало радио и вторили сирены на улице. Скрежетала расшвырянная пластиковая мебель и звенели осыпающиеся пуговицы и монеты из рвущихся карманов. Потому крик Сергея: «Сигнализация! Пожар в офисе!» никого не заинтересовал. Его даже никто и не услышал. В драке, в отвратительной бытовой драке срывает крышу не только у отморожков...

Шеф фирмы «Барокко» и его странный гость наблюдали за сценой в буфете. Анна была права: у них действительно было одно лицо на двоих. Только успешный бизнесмен не прятал своих морщин, а носил их как подобает носить боевые шрамы, а его гость просто не думал о возрасте. Оттого лицо его, оставалось красивым, но далеким, не распаханным полосками времени, а затуманенным.

На большом плоском экране телевизора в кабинете всё было отлично видно. И словно жар исходил из экрана.

– Модель человечества, – улыбался хозяин. – Дам сломать себе вторую ногу, если окажусь неправ: сейчас в любом месте мира, где больше четырех человек закрыто в четырех стенах происходит то же самое. А где людей скопилось больше, там и рванет сильнее, – он подмигнул гостю.

Собеседник молчал. Его оппонент и не ждал ответа.

– Ты всё еще веришь в человека как в вид? – он кружил по комнате, чуть подволакивая ногу. Жесткий ламинат на полу усиливал шум от нетвердых шагов до неприятного скрипа, – В этот прах земной, да еще и испорченный к тому же во всех мыслимых и немыслимых местах?

На лице второго ничего не изменилось. Оно словно было занавешено улыбкой.

– Ты еще веришь, что можно выиграть? – и второй вопрос не тронул собеседника. А шеф «Барокко» хрустнул суставами пальцев рук и, прихрамывая, дошел до дивана у противоположной стены. Комнатный кондиционер замахал на него своими крыльями-прорезьями что есть мочи. – Все признаки проигрыша на лицо: в них – ни капли доброго, в их жизнях ни какого смысла. А за место у меня на работе и горсть монеток раз в две недели они согласятся на всё. Даже на татуировку на лбу. И кое-кто из них уже заметил изменения климата и прочее движения... Адское пекло на улице. Верно?

– А глады и моры великие ты уж сам подстроишь, верно? – не оборачиваясь к собеседнику заговорил всё же гость. Они говорили почти одинаковыми голосами.

– Мне помогают, – расплылся в улыбке хозяин. – И к тому же, я не могу не жульничать, я же сам всех этому научил. Как и верю в то, что меня на самом деле нет, и в «авось пронесет» и «каждый сам за себя».

– И встречи беглецов с теми, кого должно было охранять? С «их» людьми, – так же ровно продолжал гость. И также улыбаясь, не смотрел на хозяина кабинета. Тот был явно доволен возможностью поговорить о своих достижениях. Еще бы! Не каждый день встречаешь собеседника, который понимает тебя от и до. Ах, как это вдохновляет! Шеф не мог усидеть на месте, он ерзал на диване, поскребывал ногтями обшивку, подставлял под струю воздуха то одну, то другую щеку. – А если наш беглец не выберет? С чего ты решил, что он обязательно сделает нужный тебе выбор и конец света наступит сегодня же?

В недвижности фигуры гостя, в заламах ткани его льняного светлого костюма, в неподвижности взгляда, устремленного в экран, казалось, сейчас вошла вся неизбежность слова «сегодня». Но губы дрожали, отпуская на волю тихие звуки.

Неспокойный суетливый собеседник попружинил на диване, создавая еще шума:

– Классный у меня диван, наш «дизайнер» бы оценил и цвет, и выделку кожи, и форму. Вот та мышевидная особа в очках, которая сейчас с блондинкой лается, да-да, она выбирала! Я ей даже премию пообещал выписать. Обману, разумеется. Но это к слову. Твой беглец слишком любит этот мир, чтобы расстаться со всеми теми удовольствиями, которые достались людям и непозволительны нам. Даже люди слишком любят жизнь, хоть и половины не распробуют обычно, а уж он-то вошел во вкус! И ты же понимаешь, мой бывший брат, что он выберет. А когда он решится, то – бах! – ...

И экран телевизора взорвался. Его осколки, разлетаясь еще мгновение показывали исковерканные злобой лица посетителей буфета...

Знаки препинания

Все истории заканчиваются. И моя, похоже, тоже подходит к финалу. Осталось только поставить в конце последнего предложения финальный знак препинания. Что бы я ни поставил сейчас, Знак этот по иронии судьбы (судьбы ли?!) будет состоять из монет, которые принес в складках савана скучный тощий гость Смерть.

– Послушай, Андрей Петров, провинциал из Ромашевска, гастарбайтер из Залягаевки, жертва несчастного случая в метро, – шепчу я в самое ухо своей коматозной копии. Человек с моим лицом лежит на дурацких простынях в мелкий цветочек, привязанный трубками к приборам выживания, – если ты сейчас проснешься сам, то мы с тобой наставим всем им нос, сделаем козью морду и пошлем всех на... и я даже согласен поменяться с тобой местами. Вот давай ты возьми себе мой образ жизни, а я свалю в твой Ромашевск. И что нам тогда конец света?! Мир рухнет или нам текилы вмазать?! Ну!...

Датчик сердечной активности Петрова даже не дернулся лишний раз в ответ на мое предложение.

– Вот не сволочь ли ты после этого?! – мой крик души прозвучал как-то слишком двусмысленно. Я сам-то понимаю, к кому обращаюсь? Кто здесь сволочь и после чего? Кто он мне, этот молодой мужчина на больничной койке? Зачем я вообще вытащил его из той кучи обломков?! Он – мой крест, который я так не хотел брать.

Да, похоже, это будет короткая история. Совсем короткая, не такая как предыдущие. Только то, что касается лично меня. И чего я лично касался. И это хорошо – кому интересны чужие долгие истории в такую невероятную жару!

Сегодня жара ломилась в окна города с самого утра. Она рвалась во все щели его, во все углубления зданий – всюду, куда мог пройти воздух, даже если не проникал свет.

Солнце простреливало своими лучами каждый сантиметр пространства, держа город на мушке, как снайпер. А жар заливал улицы по самые крыши горячим воздухом, густым и тягучим, похожим на кисель. В этом липком вареве лениво двигались люди, машины. А внутри зданий кондиционеры – неуклюжие ящики дикой наружности – исправно нагоняли дистиллированную безвкусную прохладу внутрь комнат, помечая конденсатом прохожих, как голуби – памятники. Искусственный воздух искусственной температуры для тех, кто не живет, а спит. Хотя, если постараться, можно и в диком зное найти некую прелесть. Например: на ходу от жары не заснешь...

Я люблю жару. Или правильнее уже говорить «Любил»? Лежать бы сейчас где-то на берегу, у воды, раздавленным горячим грузом из воздуха и солнца. Чтоб каждая клеточка тела им пропитывалась, словно наливалась соком. А потом ловить завистливые взгляды офисного планктона, мол, сумел же где-то так загореть за выходные. Не иначе как в Турцию смотался или из соляриев не вылезил, пижон. А загар-то московский, из Серебрянного бора.

Но вместо этого я нахожусь в компании почти трупа и под надзором самого нежеланного гостя в мире живых. Не любят люди умирать. Если же заглянет к ним вот такое чучело в саване, жить захочется еще сильнее. Как же я понимаю эту человеческую любовь к жизни во всех ее мелочах!

– Да. Ты любишь жару. А еще ты любишь мороз и солнце, дождь и ветер, снег, смог и грозу в начале мая, – примерно так сказала бы моя бывшая подружка. Она выгнула бы губки в тонкой усмешке, и произнесла бы свои колючие слова, невинно хлопая глазками. Здесь, на земле, у нее были длинные черные ресницы и стрижка каре. – Я не знаю ни одной погоды, которую бы ты не любил. Ах, да! У природы ж нет плохой погоды...

И она как обычно была бы права. Где она сейчас? Если пренебречь правилами, которым мы следуем, даже сбежав с небес, то можно найти мою подружку по земному пребыванию в два счета. Даже в один. На это не нужно много сил. Я смог это бы, даже со своими обрубками крыльев: взмахнуть ими, как при полете, и шагнуть к ней прямо из стены ее комнаты, где бы та не находилась. Сказать: "Привет, недотрога. Скучала по нашим спорам?" Но это было бы слишком нагло, слишком просто да и привлекло бы внимание небесной инспекции. Гораздо приятнее сесть на поезд, лучше даже, что б это был старый купейный вагон из состава дальнего следования. Чтоб без кондиционера и с разохшимися окнами. И трястись до нужной станции как минимум сутки. Чтоб пошатывало, когда выходишь на полустанках прикупить сигарет и пива. Или когда выходишь затоварится зардевшимися от кипятка раками к пиву у шустрых вокзальных старушек, а они глядя на твою нетвердую походку, поджимают губы и громко думают хором: "Во нажрался!" Чтоб потрепаться со случайными попутчиками, приударить за попутчицами. Не выспаться и с красными от усталость глазами выйти на станции с ничего не говорящем тебе названием: "Васильково" какое-нибудь или "Ромашевск". Пройтись по серенькому перрону, спровоцировав плохо скрываемый интерес и почти нескрываемое осуждение из-за столичного лоска в одежде. А потом, всё же разыскать свою подружку, вытащить ее в какое-нибудь местное пафосное заведение, нахохотаться и разругаться с ней всласть до следующего Рождества. И уехать. Каждый из нас уже выбрал, как жить и что делать. И она не оставила мне ни нового имени, ни земного адреса. Надо же, как точно, как по-человечески у нее это получилось. Как у настоящей бывшей подруги. И всё чаще я гоню прочь от себя мысли о своей пропавшей недотроге: уж больно они похожи на влюбленность, не свойственную нашей с ней материи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.